
КУПИДОН В ПОГОНАХ
ЛИТМОБ
ЛИНА МАК
Прекрасная зараза
ДЛЯ УЖАСНОГО
МАЙОРА
18+

Лина Мак

Прекрасная зараза для Ужасного майора

https://litres.ru/74955314
SelfPub; 2026

Аннотация

— А у тебя дома холодильник есть?

— Чего?

— Дверью, спрашиваю, почему хлопаешь? Это машина, а не твоя казарма.

— Слушай, зараза

— Для тебя, Ульяна Андреевна. Шёпотом и на «вы».

***

Меня, майора спецназа, сослали в отпуск. На пятьдесят два дня. В горы. Колоть дрова сестре генерала, «даме в возрасте». Про то, что к даме прилагается дочь с косой до пояса и языком острее ножа, генерал почему-то промолчал.

Я не верю в любовь. Она не верит мужикам. У нас только гостевой двор, диверсант мама и коварная "тётя Люба" на двоих.

Кто-то из нас до конца отпуска не доживёт.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лина Мак
Прекрасная зараза для Ужасного майора

— А у тебя дома холодильник есть?

— Чего?

— Дверью, спрашиваю, почему хлопаешь? Это машина, а не твоя казарма.

— Слушай, зараза…

— Для тебя, Ульяна Андреевна. Шёпотом и на «вы».

***

Меня, майора спецназа, сослали в отпуск. На пятьдесят два дня. В горы. Колоть дрова сестре генерала, «даме в возрасте». Про то, что к даме прилагается дочь с косой до пояса и языком острее ножа, генерал почему-то промолчал.

Я не верю в любовь. Она не верит мужикам. У нас только гостевой двор, диверсант мама и коварная «тётя Люба» на двоих.

И кто-то из нас до конца отпуска не доживёт.

КУПИДОН
в погонах
ОН НЕ ВЕРИЛ В ЛЮБОВЬ.
ГЕНЕРАЛ РЕШИЛ ЭТО ИСПРАВИТЬ.

Глава 1

Добрыня

— Ужасов, ты мне скажи, ты человек или кара небесная?

Стою ровно. Руки по швам, взгляд на десять сантиметров выше генеральской лысины, как раз на портрет Верховного главнокомандующего. Удобная точка: и по уставу, и рожу Громова, красную, как пожарный щит, не видно.

— Человек, товарищ генерал, — отвечаю чётко.

— Сомневаюсь! — Папка летит на стол. — Сомневаюсь, майор! Потому что человек не гоняет группу по полосе до тех пор, пока у него двое на больничный не лягут! Двое, Добрыня! Синицын с коленом, Баранов со спиной!

Синицын с коленом, потому что жрать надо меньше, а Баранов… ну там фамилия сама всё объясняет.

— Разрешите уточнить, товарищ генерал, — всё же не выдерживаю я. — Баранов спину сорвал, когда диван тёще на пятый этаж затаскивал. В выходной.

— А почему он его один затаскивал?! — рявкает Громов.

— Потому что Баранов, товарищ генерал, — отвечаю ровно и понимаю, что был бы я зелёным пацаном, драил бы уже казармы.

Громов же открывает рот. Но тут же закрывает. Трёт переносицу так, будто надеется стереть оттуда меня. Не получится, Пётр Палыч. Я тут с двадцати двух лет, в стены уже

врос.

— Мне твой зам вчера жаловался, — заходит он с другого фланга. Но и ту не удивлён. — Взрослый мужик, капитан, двое деток. Сидел вот на этом стуле и чуть не плакал. Умолял меня: «Заберите его от нас хоть куда-нибудь. Хоть на Луну», — передразнивает писклявый голос Зайцева, которому уши я всё же оторву.

— На Луну готов, товарищ генерал. Там тихо, — отвечаю другое.

— Молчать!

Ну ладно. Я вообще молчать умею лучше, чем разговаривать. Да и не виноват я. Группа у меня лучшая в управлении, потому что я — заноза в заднице, а не добрый дядя. Добрые дяди потом пацанов по частям домой возят. Я своих вожу целыми. Злыми, заезженными, матерящимися, но целыми.

И все это прекрасно знают.

Громов встаёт, идёт к окну, закладывает руки за спину. Знаю я эту позу, и заранее тяжело вздыхаю. Сейчас снова будет про отца вспоминать.

— Я Никите, отцу твоему, слово дал, что присмотрю за вами, — его голос становится ниже. Ему тяжело. Да и мне тоже. Но не баба я, чтобы сопли разводить. Так что зубы сцепляю и жду. — Илья вон — человек как человек. Жена, дети, работа, шашлык по субботам на даче. А ты?

А я — младший. На мне природа отдохнула, а потом ещё и ногами потопталась.

— А я служу, товарищ генерал, — отвечаю всё так же.

— Ты не служишь, ты живёшь здесь! — снова заводится Громов. Да что его сегодня, пчёлы покусали что ли? — Ты когда в отпуске был последний раз?

Пытаюсь вспомнить, но что-то не выходит. Но я усилено создаю мыслительною деятельность на лице. Нужно же дать ему просто спустить пар и его попустит.

— В госпитале лежал, — наконец-то вспоминаю.

Но от греха, не уточняю, что было это года четыре назад.

— Это не отпуск, идиот, это огнестрел!

— Две недели лежал, товарищ генерал, — всё же пытаюсь оправдаться. — Кормили, как на убой. Чем не санаторий.

Он разворачивается, и вот тут мне его лицо перестаёт нравиться. Потому что оно больше не красное. Оно спокойное. А спокойный Громов — это как тишина в зелёнке: значит, сейчас прилетит.

— Значит так, майор. С завтрашнего дня ты в отпуске, — строго произносит он, а я замираю.

И даже портрет Верховного слегка плывёт перед глазами.

— Никак нет, — выпаливаю, потому что по спине уже холодок бежит.

— Что «никак нет»?

— В отпуск — никак нет, товарищ генерал. Мне не надо, — объясняю я.

— А я тебя спрашивал? — спрашивает он, и ласково так, что холодок по спине, добирается до загривка, который уже

чует жопу. — Пятьдесят два дня, Ужасов. Всё, что накопил, жмот. Приказ подписан, кадры в курсе, пропуск твой на КПП с завтрашнего утра заблокирован.

Да ну нахер! Пятьдесят два дня. Это почти два месяца. Что нормальный человек делает два месяца без работы? Спивается? Женится? Одно другого не лучше.

— Пётр Палыч, — перехожу на неуставное, потому что дело пахнет керосином. — Ну какой отпуск? Ноябрь на дворе. Я машину только взял, три года на неё копил, мне её обкатывать надо…

— Вот и обкатаешь. До гаража и обратно, — отрезает он и всё. Я ему не интересен больше.

— …и вообще, отпуск — это для тех, кому на службе плохо. А мне хорошо, — пытаюсь воззвать к совести генеральской.

— Тебе хорошо, а всем остальным — Ужасов! — рявкает он, и я даже не понимаю, фамилию он сейчас назвал или диагноз поставил. — Достал, Добрыня! Понимаешь? Всех достал! Меня достал! Чтобы духу твоего здесь не было! — и по столу бьёт так, что окна звенят.

— А если я откажусь? — всё же решаю уточнить.

— Тогда я тебя уволю, — строго отвечает Громов.

— Не уволите, — сразу же нахожусь и пытаюсь не лыбится, как котяра. Субординацию нельзя нарушить. Не по уставу.

— Уволю, — снова повторяет Громов, а моя улыбка схо-

дит, будто и не было. — По статье. С таким треском, что даже Илья не поможет. И никто тебя не спасёт, сынок. Ни выслуга, ни награды, ни память отца. Я тебя породил в этом управлении, я тебя и… отправлю отдыхать.

Смотрим друг на друга. И я в полной мере осознаю, что он не шутит. Одиннадцать лет под ним хожу — научился отличать.

Нормально, блин? Вот что на него нашло? Ладно. Пятьдесят два дня. Запрусь в квартире, куплю гантели потяжелее, буду ездить на полигон к армейским пацанам…

— И даже не думай, — говорит Громов, глядя на меня, как рентген и вырывая меня из идеального плана. — В городе ты не останешься. Знаю я тебя, через три дня будешь у забора тереться и бойцам через сетку задачи ставить.

Чёрт старый. И, вероятно, он видит, как я меняюсь в лице, потому что снова довольно хмыкает.

— Нормальные мужики в твоём возрасте как отдыхают? Море, клубы, девки. Хочешь на море?

— Нет, — бурчу я.

— В клуб?

— Товарищ генерал, я в клубы только с группой захвата хожу, — уже чуть ли не стону. Ну за что?

— Вот! — Он тычет в меня пальцем, довольный, будто я ему сейчас подарок сделал. — Вот поэтому поедешь в горы. У меня сестра там гостевые домики держит. Женщина уже в возрасте, хозяйство большое, мужских рук не хватает. Дров

нарубить, крышу подлатать, забор починить, что скажет — то и делаешь. Воздух, тишина. Будешь жопу морозить и о жизни думать.

Ну зашибись, чего! Майор спецназа, два ордена, едет батрачить к генеральской сестре. Бабушке божьему одуванчику забор подпирать. Илюха узнает, засмеёт.

Но генералу мало, он добивает окончательно.

— Билет на поезд у секретаря. Послезавтра выезд.

— На поезд? Какой поезд? — переспрашиваю, как Баранов, мать его. — У меня же машина.

— А машина, Добрынюшка, постоит дома, — и снова этот его ласковый тон. — Там такие дороги, что ты свою красавицу через километр на руках понесёшь. А я договорился, тебя встретят. Номер машины на обратной стороне билета написан.

И он, как ни в чём не бывало, садится, открывает папку и делает вид, что меня уже нет. А я пытаюсь объяснить себе, что это просто магнитные бури, и завтра его попустит.

Но тут Громов, не поднимая головы, добивает:

— И запомни. Появишься здесь раньше, чем через пятьдесят два дня, — уволю. Сестра позвонит, пожалуется — уволю. Сбежишь — найду и уволю дважды. Свободен.

— Есть, — рявкаю я, закипая от злости.

Разворачиваюсь через левое плечо. Но у двери слышу:

— Добрыня.

— Я, — оборачиваюсь в надежде, что мне сейчас скажут,

что просто пошутили.

— Шапку возьми. Там холодно, — добавляет Громов и довольный снова продолжает читать документы.

И вот эта шапка мне не нравится больше всего остального. Потому что голос у генерала при этом подозрительно довольный. Так не провожают в ссылку. Так смотрят вслед барану, который сам идёт на заклание.

Глава 2

Ульяна

— Уля, я тебя умоляю. Веди себя прилично, — голос мамы звучит умоляюще, а я закатываю глаза.

— Мам, я всегда веду себя прилично, — вздыхаю. Но когда это успокаивало мамулю.

— Я знаю твоё «прилично» Уля, — возмущается мама. — Ты последнего парня загнала на крышу бани!

— Он сам залез, — сразу же оправдываюсь я. — Я просто лестницу убрала.

В трубке слышится тяжёлый вздох. Мама у меня святая женщина, но с одним дефектом: у неё есть старший брат, и она поддерживает любой его идиотский план. А ещё верит.

— Уля, Петя сказал, что мальчик хороший. Уставший просто.

Мальчик. Знаю я этих мальчиков. За три года дядя Петя прислал нам четверых. «Помочь по хозяйству». Капитан, который за ужином рассказывал, сколько у него квартир. Старлей, который решил, что помощь по хозяйству включает в себя мою спальню. Подполковник после развода — этот хотя бы просто бухал и особо не отсвечивал. Ну и последний, который оказался на крыше, а потом «случайно» упал с ней и сломал ногу.

Каждого я провожала до калитки. Метлой. Потому что

мудаки, а у меня на таких аллергия.

И ведь дядька не унимается! Генерал — он и дома генерал: племяннице двадцать девять, племянница не замужем, непорядок в подразделении, устранить. А то, что племянница замуж не собирается и мужчинам верит примерно как прогнозу погоды в горах, в его картину мира не помещается.

— Мам, поезд пришёл. Всё, целую, — быстро отвечаю и радуюсь передышке.

— Ульяна! Умоляю! — слышу маму, но уже сбрасываю звонок.

Сама же делаю несколько вдохов и выдохов. И медленно провожу руками по рулю. Моя «Нива» тихонько урчит. Красавица моя, где всегда пахнет яблоком и немного бензином. Новая, между прочим, двух лет нет. Я на неё сама заработала, сама выбирала и сама ей масло меняю. Единственные серьёзные отношения в моей жизни, и меня в них всё устраивает.

Ну а вокзал у нас — одно название: перрон, будка и собака Шпала. И пока я прокручиваю это в голове, наблюдаю за теми, кто сходит с поезда. А их всего трое. Бабка с тележкой. Пацан в наушниках. И…

И ЭТО.

Я даже забываю моргнуть.

Оно идёт по перрону так, будто перрон ему должен. Плечи такие, что мне становится страшно интересно, как он помещался на полке в вагоне. Чёрная куртка нараспашку в плюс

три, под ней камуфляжная футболка, натянутая на грудь так, что я даже со своего места вижу, все его мышцы. Стрижка под ноль, тёмная щетина, сумка на плече болтается, как дамский клатч. И лицо. Наглое, хмурое, красивое до того, что хочется чем-нибудь кинуть.

Бабка с тележкой оглядывается. А Шпала садится по стойке «смирно» и даже не дышит. Я же сижу и смотрю, как дура, на то, как ЭТО двигается.

Дядя Петя, ты где такое взял? И главное — за что?

Но тут ЭТО останавливается, обводит площадь взглядом и безошибочно выбирает мою машину. Ну да, я же забыла, что мой номер дядя ему дал.

А он уже подходит. И я понимаю, что вблизи он до ужаса хорош: глаза светлые, льдистые, и смотрят они на мою «Ниву» как на недоразумение.

Но он открывает заднюю дверь. Швыряет сумку на моё чистое сиденье. И закрывает.

Точнее, это «закрывает» назвать нельзя. Эта бессмертная солдафонская скотина ею ХЛОПАЕТ.

Так, что у меня ёлочка на зеркале делает сальто, а в сердце что-то обрывается и с лязгом падает в район глушителя.

И всё. Красота осыпается, как листва с нашей берёзы в октябре: была — и нет, один голый ствол. Обычный солдафон. Пятый будешь.

Он садится вперёд. Машина проседает на правый бок. Молча тянется к ремню, но тут поднимает взгляд и замирает.

И я на него смотрю так, что сейчас будем изучать анатомию. Потому что я к этому моменту уже мысленно его расчленила, разложила по пакетам и прикидываю, в каком ущелье эхо потише.

— А у тебя дома холодильник? — шиплю я.

— Чего? — зависает он и только хлопает своими длиннющими ресницами.

— Холодильник, спрашиваю, есть? Беленький такой, ну или серенький.

— Есть, — отвечает он хмурясь ещё сильнее, что складка между бровей у него становится глубже.

— Отличненько, — скалюсь уже. — Так ты, выходит, и его дверь тоже с ноги закрываешь? Или только с чужими машинами так?

Прекрасная
ЗАРАЗА
для ужасного
МАЙОРА

И наслаждаюсь тем, как он теряется. На целую секунду здоровенный мужик выглядит так, будто на него напала табуретка. Но, наверное, этот ещё и умный, а не просто солдафон, потому что до него начинает доходить. Я вижу, как взгляд медленно проходится по мне, слишком демонстративно, и уголок рта ползёт вверх. Нагло так. Лениво. По-хозяйски.

И теперь скалится он. В моей машине. После того, как хлопнул дверкой, скотина.

— Не закрылась бы, — голос низкий, с хрипотцой, чтоб его. — Это ж «Нива». Её не хлопнешь — на повороте кого-то потеряешь.

— Это у тебя мозг не закрывается и на поворотах теряется, — шиплю я, раздражаясь ещё сильнее. — А у неё всё закрывается. Нежно. Двумя пальцами.

— Нежно я не умею, — отрезает он, а я даже бровь вскидываю.

— Заметно, — выдаю хмуро.

— А ты, значит, водитель? — Он откидывается на спинку, и кресло жалобно скрипит. — Мне, конечно, предупреждали, что встретят. Я думал, мужик какой приедет.

— А мне сказали, приедет помощник. Я думала, человек, — отбиваю его выпад и даже подмигиваю.

Но скалиться он перестаёт. Вот только теперь во взгляде появился интерес. И смотрит, как кот, который думал, что

перед ним мышь, а она встала на задние лапы и закурила.

— Добрыня, — сообщает он буднично, но руку не протягивает. И правильно, я бы не пожала.

— Сочувствую, — огрызаюсь.

— Ужасов, — добавляет он, а я не знаю пожалеть его, или поржать.

Хотя, может он прикалывается. Но смотрю на него и понимаю, что он абсолютно серьёзен.

— Добрыня Ужасов, — повторяю медленно, со вкусом. — Родители тебя, смотрю, тоже не сразу полюбили.

— А ты, я так понимаю, сестра генерала? Женщина в возрасте? — Взгляд опять проходится по мне, неторопливо, с остановками. — Хорошо сохранилась.

Ах ты ж…

— Племянница я, — и снова выдыхаю с раздражением. — Ульяна Андреевна. Запоминай сразу с отчеством, тебе пригодится, когда будешь просить добавки и пощады.

— Я не прошу, — говорит он спокойно. — Ни того, ни другого.

— Все так говорят, — хмыкаю я. — До первого косяка.

— До чего?

— Скоро узнаешь.

И втыкаю первую. А он наконец защёлкивает ремень и косится на мою ёлочку, на вязаный чехол на рычаге, на икону, которую мама прилепила на панель. По лицу видно: майору не нравится здесь. Ну так сделаем его отдых незабываемым.

— И не переживай, Ужасов, — добавляю ласково, глядя в зеркало. — Двери закрывать я тебя тоже научу. Как нужно. У тебя пятьдесят два дня здесь.

— Зараза, — произносит он негромко.

А я вскидываю бровь и довольно киваю:

— Я знаю. Главное, чтобы ты это запомнил. А теперь держись за ручку. Она тут не для красоты.

И трогаюсь так, что его затылок встречается с подголовником.

Мама просила прилично. Про езду мама не говорила ничего.

Глава 3

Добрыня

Я прыгал с парашютом ночью, на лес. Я трое суток лежал в болоте, пока по мне ползало всё, что в этом болоте прописано. Но так близко к встрече с отцом, как на переднем сиденье зелёной «Нивы», я не был ещё ни разу.

Потому что эта зараза не едет. Она летит. По серпантину, где с одной стороны скала, а с другой — красивое, живописное, очень глубокое… ничего.

— Ты права где покупала? — спрашиваю ровно, хотя пальцы на ручке над дверью уже побелели, и я рад, что она этого не видит.

— Там же, где ты манеры, — отвечает она, даже не повернув головы, и входит в поворот так, что моя сумка сзади перелетает с одного края сиденья на другой. — Только мне, в отличие от тебя, их выдали.

Зараза. Вот точно подметил же. Хмыкаю и отворачиваюсь к окну. Потому что самое поганое в этой ситуации то, что водит она отлично. Руки на руле лежат спокойно, передачи переключает раньше, чем я успеваю об этом подумать, и машину свою чувствует, как я — автомат. Но я скорее сам выйду на ходу в это живописное ничего, чем скажу ей об этом вслух.

И ещё я на неё смотрю. Не специально, просто периферия-

ческое зрение у меня тренированное, а тут есть на чём его тренировать. Коса толщиной в мою руку, перекинутая через плечо и лежащая на сиденье. Глазищи на пол-лица. И губы цвета спелой вишни, которые она поджимает каждый раз, когда я шевелюсь в её драгоценной машине.

Красивая. А это плохо. Красивые всегда знают себе цену, и это именно реальная цена — с прайсом, скидками для генералов и наценкой для майоров. Насмотрелся, спасибо. Так что любуйся горами, Ужасов. Горы хотя бы честно предупреждают, что могут тебя убить.

— И много у вас тут таких было? — спрашиваю, когда молчание начинает меня напрягать. А это плохо. Молчание меня всегда успокаивало. Но добавляю: — Помощников.

— Ты пятый, — бросает она и сдувает с лица выбившуюся прядь.

— И что же случилось с предыдущими четырьмя? — спрашиваю, потому что я что-то не слышал о том, что наш генерал любит приносить жертвы.

— Уехали, — пожимает она плечом, и я краем глаза замечаю, как вишнёвые губы дёргаются в довольной ухмылке. — Трое сами. Четвёртый в гипсе.

— Сам сломался? — уточняю я, хотя уже догадываясь, каким будет ответ.

— Гравитация помогла, — отвечает она ласково, и от этой ласки у нормального мужика должно всё сжаться. Вот и у меня поджимается. — Она у нас в горах сильная. Особенно

для тех, кто руки распускает и дверьми хлопает.

— Понял, — киваю я серьёзно, но добавляю: — Буду распускать что-нибудь другое.

Она всё же поворачивает голову. На секунду, но мне хватает, чтобы поймать этот взгляд. И ловлю себя на том, что знаю этот взгляд. Так я смотрю на новобранца, который на первом построении решил пошутить. С ласковым предвкушением.

— Язык, например? — подсказывает она. — Не переживай. Его я тоже умею укорачивать.

— Отчество не забудь добавить, когда будешь укорачивать, — возвращаю ей её же монету. И самое паршивое, что мне начинает нравится наши перепалки. — А то я без отчества плохо воспринимаю угрозы.

Она фыркает и вдавливает педаль, а я, в следующие двадцать минут, молча вспоминаю всё, что знаю о группировке при падении с высоты.

Но тут серпантин заканчивается, дорога ныряет между двух огромных елей, и я, честно говоря, зависаю.

Потому что я ехал чинить бабушкин забор. Я всю дорогу в поезде представлял покосившуюся избу, гнилое крыльцо, старушку в платке и козу. Козу я представлял особенно ярко, потому что терпеть не могу этих блеющих созданий ещё с детства.

Но передо мной открывается совершенно другая картина. Шесть аккуратных деревянных домиков с одинаковыми тём-

ными крышами, большой хозяйский дом с резным крыльцом, у ручья отдельное строение, и отчего-то я сразу понимаю, что это баня, и беседка с мангалом. Все дорожки отсыпаны гравием. Дрова под навесом сложены так ровно, что мой старшина прослезился бы и попросил автограф. Забор стоит по струнке. И крыша почти везде новая.

Мужских рук не хватает, говорите, товарищ генерал? Да тут порядок, как в образцовой части перед приездом министра.

— Приехали, — сообщает Ульяна Андреевна и глушит мотор. — Выгружайся, Ужасов. И помни про дверь.

Выхожу. Достаю сумку. И под её немигающим взглядом закрываю заднюю дверь. Нежно, как она и сказала. Двумя пальцами.

Дверь мягко отходит обратно и смотрит на меня щелью. Мать твою. Это что такое, Ужасов? Сглазили?

Но эта зараза молчит, да и я не спешу комментировать. И только смотрю на дверь, а зараза Ульяна Андреевна на меня.

— Нежно, Ужасов, а не как умирающий лебедь, — произносит она с таким удовольствием, будто ждала этого момента всю жизнь. — Между «ударить» и «погладить» есть ещё варианты. Ты поищи, гладишь, тебе в жизни пригодится.

Прикрываю чуть сильнее. И слышу характерный щелчок. Я, майор спецназа с двумя орденами, только что сдал зачёт по закрыванию двери. Со второй попытки. Зайцеву я уши не просто оторву, я их ему в рамочку повешу. За подставу.

— Уля! Ну наконец-то! Я уже все глаза проглядела!

Оборачиваюсь на голос и зависаю второй раз за пять минут.

С резного крыльца сбегает женщина. Именно сбегает, через ступеньку, вытирая руки о фартук. Лет пятидесяти пяти, не больше, стройная, румяная, в стёганой жилетке, с такими же глазищами, как у дочери, только тёплыми. И двигается она быстрее, чем Синицын на полосе до того, как у него отказало колено.

Это и есть женщина в возрасте? Божий одуванчик, которому забор помощь нужна? Да она сама кому хочешь поможет. И забор поставит, и покрасит, и меня через него перекинет.

— Здравия желаю, — выдаю на автомате, потому что мозг занят пересчётом вводных.

— Ой, да какое здравие, сынок, что ты как на плацу! — всплёскивает она руками и обходит меня по кругу, разглядывая так, как разглядывают технику на приёмке. — Нина Павловна я. Можно тётя Нина. Господи, какой большой! Уля, ты посмотри, какой он большой!

— Я видела, мам, — отзывается зараза, доставая из багажника какие-то пакеты. — Он мне подвеску на правый бок просадил.

— Не слушай её, Добрынюшка, — отмахивается Нина Павловна и берёт меня под локоть так цепко, что я узнаю фамильную генеральскую хватку. — Она у меня добрая. Про-

сто не сразу. Пойдём, я пирогов напекла, с капустой и с мясом, ты с дороги голодный. Только ты на крышу бани не лазь, ладно? Что бы она тебе ни говорила.

— Зачем мне на крышу бани? — спрашиваю осторожно.

— Вот и я говорю — незачем, — кивает она радостно и тянет меня к крыльцу.

Иду, потому что сопротивляться женщине, которая зовёт на пироги, грешно. Но по дороге осматриваюсь: ни одной гнилой доски, ни одной текущей трубы, ни одного кривого гвоздя.

А ещё замечаю, как Нина Павловна переводит взгляд с меня на дочь и обратно. И лицо у неё при этом точь-в-точь как у Громова, когда он говорил мне про шапку. Довольное. Это у них, видимо, семейное.

Меня развели. Соврали про возраст, про забор и про мужские руки. Громов никогда ничего не делает просто так, а значит, я сюда приехал не дрова колоть. Только вот зачем — я пока не понимаю, и это бесит больше всего. Засаду я чую загривком, а откуда будут стрелять, не вижу.

За спиной хлопает дверь «Нивы». Громко так. От души.

Что замираю и медленно оборачиваюсь. А эта зараза стоит с пакетами и смотрит на меня с вызовом.

— Мне можно, — сообщает она нагло. — Это моя машина.

Ну, с этим стрелком хотя бы всё ясно.

Глава 4

Ульяна

Он съел одиннадцать пирожков. Да ещё и моих любимых. С капустой.

Проглот!

И да, я считала. Не потому, что мне интересно. Просто когда на твоей кухне сидит шкаф с ресницами длиннее, чем у меня, и методично уничтожает то, что мама пекла на три дня, считать начинаешь сама собой, как потери в хозяйстве.

А мама цветёт. Мама подкладывает ему ещё, подливает чай и смотрит на него так, как на меня не смотрела, даже когда я школу с медалью закончила.

— Кушай, Добрынюшка, кушай, — воркует она и двигает к нему сметану. — Петя говорил, ты совсем себя не бережёшь. Худой какой.

Худой? Он?! Я перевожу взгляд на его плечи, которое занимает половину нашей кухни, потом на маму, и снова на плечи. Маме пора проверить зрение.

— Спасибо, Нина Павловна, — отвечает этот «худой» таким вежливым голосом, что я едва чаем не давлюсь. — Я таких пирогов с детства не ел.

Надо же, оно умеет разговаривать по-человечески. Со мной в машине сидел хам, а перед мамой сидит воспитанный мальчик из хорошей семьи. И только когда мама отворачи-

вается к плите, он смотрит на меня поверх кружки, и в льдистых глазах пляшут те же наглые черти, что и на вокзале.

Двуличная солдафонская скотина.

— Мам, я покажу гостю домик, — поднимаюсь я, пока она не предложила ему усыновление. — А то стемнеет.

— Уля, — мама оборачивается, и в её голосе появляется подозрение, потому что она меня с рождения знает, — а в какой домик?

— В хороший, мамуль, — улыбаюсь я самой честной из своих улыбок. — В шестой.

— Ульяна! — взвизгивает мама, но я сразу же нахожусь.

— Остальные под бронью, — развожу руками и быстро выхожу, пока она не вспомнила, что брони у нас до пятницы нет.

Шестой домик — моя гордость и моё секретное оружие. Он стоит дальше всех, у самого ручья, под скалой, куда солнце заглядывает на полчаса в день, и то из вежливости. Обогреватель там работает по настроению, а настроение у него плохое с прошлой зимы. Печка есть, но её надо топить. Бойлер на тридцать литров, и мне его не хватает даже на то, чтобы голову вымыть. А кровать там метр девяносто.

В этом же, навскидку, метр девяносто пять, и это без учёта самомнения.

Он идёт за мной по гравию, и я спиной чувствую, куда он смотрит. Не на домики. И бесит меня не то, что он смотрит, а то, что мне приходится следить за своей походкой.

— Прошу, — распахиваю дверь и пропускаю его вперёд, чтобы видеть лицо. — Домик «Медвежий угол». Тишина, уединение, близость к природе. Природа, правда, иногда заходит внутрь, но мыши у нас воспитанные.

Он входит, пригнув голову и осматривается. А я жду. Сейчас дрогнет бровь, скривится рот, и прозвучит что-нибудь про «а получше нет?». Старлей на этом месте спросил про вайфай. Капитан — про тёплый пол.

— Обогреватель не тянет, так что печку топить самому придётся, — перечисляю я с наслаждением, загибая пальцы. — Дрова за домом. Ах да, они неколотые, какая жалость. Горячей воды на четыре минуты, если не петь в душе. Кровать коротковата, но ты же военный, свернёшься как-нибудь.

Он бросает сумку на эту самую кровать, и та отвечает ему обречённым скрипом. Проводит ладонью по стене, зачем-то заглядывает в печку, потом смотрит в окно, и поворачивается ко мне с совершенно спокойным лицом.

— Я в феврале в окопе спал, Ульяна Андреевна, — произносит он, и уголок рта снова ползёт вверх. — С тремя мужиками, и один из них был занозой в заднице. А тут крыша, печка и никто не храпит в ухо. Это люкс. Передай хозяйке спасибо.

Такого ответа я не ждала. Он должен был возмутиться, а я — с чистой совестью сказать, что калитка там. Но я перестраиваюсь на ходу и достаю из кармана куртки то, над чем сидела вчера полночи.

— Тогда вот, — протягиваю ему три листа, исписанных моим самым красивым почерком. — Раз ты у нас помощник, то помогай. Список работ, сорок два пункта.

Он берёт. Читает. Я слежу за складкой между бровей, но она, зараза, не углубляется, а разглаживается.

— Перебрать поленницу по размеру, — зачитывает он вслух. — Вычистить водостоки на всех домиках. Перекопать… ты серьёзно? В ноябре?

— Земля ещё не промёрзла, — пожимаю я плечом. — Успеешь.

— Пункт семнадцатый, — продолжает он, и голос у него становится подозрительно весёлым. — «Не раздражать Ульяну Андреевну». Это я сразу вычёркиваю как невыполнимый, я тебя раздражаю даже тем, что дышу. Пункт двадцать три. «Закрывать все двери нежно». Отдельным пунктом, с подчёркиванием. Сильно я тебя задел, да?

— Ты задел не меня, а мою машину, — цежу сквозь зубы и делаю шаг к нему. — А она, в отличие от меня, ответить не может.

— А ты, значит, можешь, — кивает он, складывает мои листы вчетверо и убирает в задний карман джинсов, как талон на бесплатный обед. — Ладно. Тут работы на неделю, Ульяна Андреевна. Ну, на полторы, если копать вдумчиво. А отпуск у меня, как ты помнишь, пятьдесят два дня. Чем потом будешь меня занимать?

И делает шаг навстречу. Всего один, но домик маленький,

а он большой, и я вдруг чувствую тепло от него, как от печки, которую он ещё даже не растопил. Пахнет поездом, холодом и чем-то терпким, мужским, чему я названия подбирать не собираюсь. И смотрит сверху вниз так, будто это я у него в гостях.

Отступить — значит проиграть. Поэтому я стою, задрав подбородок, и радуюсь, что в домике полумрак и не видно, как у меня горят уши.

И вообще, зачем я шагнула к нему? Но на это отвечу я себе потом.

— Не переживай, Ужасов, — отвечаю я, и голос у меня, слава богу, ровный. — У меня фантазия богатая. Я второй список напишу. Ты, главное, с первым справься и не сбеги на третий день, как некоторые.

— Я не бегаю, — сообщает он тихо. — Я догоняю.

Вот же… Я сама не понимаю, как оказываюсь на крыльце.

— Спокойной ночи, Ульяна Андреевна, — доносится мне в спину.

Оборачиваюсь, чтобы сказать последнее слово, потому что оно всегда остаётся за мной. А он, глядя мне в глаза, закрывает дверь домика перед моим носом. Медленно и нежно.

Ах ты скотина такая. Ты смотри. Сразу выполнять начал пункты. Ну ладно. Посмотрим, кто кого.

До дома я добегаю, а не дохожу. Мама гремит посудой и что-то напевает, а я закрываюсь у себя и набираю номер, ко-

торый знаю наизусть.

— Громов, — рявкает трубка, и тут же голос меняется на медовый: — Ой, Улечка! Прости. Привычка. Ну что, встретила?

— Дядя Петя, забирай свой ужас обратно, — начинаю я без приветствия. — Завтра же. Он хам, он сожрал все мамины пироги и он хлопнул дверью моей машины!

В трубке повисает пауза.

— Живой? — осторожно уточняет дядя.

— Пока да.

— Растёшь, — хвалит он, и я слышу, что этот старый интриган улыбается. — Не могу забрать, Улечка. У человека отпуск, приказ подписан.

— Тогда я его метлой выгоню, — обещаю я. — Как остальных твоих женихов.

— Попробуй, — соглашается дядя легко. — Только он мастер спорта по рукопашному бою, пожалей метлу. И потом, с чего ты взяла, что он жених?

Тут уже замолкаю я.

— А кто? — спрашиваю подозрительно.

— Наказанный он, Уля, — вздыхает дядя Петя так тяжело, как вздыхают над двоечником. — Он мне управление чуть не развалил своим характером, люди от него плачут. Я его к вам сослал, чтобы он остыл и подумал. Какой из него жених, побойся бога, я тебе добра желаю. Так что гоняй его как хочешь, нагружай, воспитывай. Только не калечь, он го-

сударству дорого обошёлся. Всё, целую, у меня совещание.

И отключается. В девять вечера у него совещание, конечно.

Я сижу с телефоном в руке, и мне не нравится то, что я чувствую. Дядя Петя четыре раза расхваливал мне своих «мальчиков» так, что хоть сразу в ЗАГС веди. А этого в первый раз за три года сам назвал наказанием и сказал, что жених из него никакой.

Значит, не сватает. Значит, можно выдохнуть и просто гонять солдафона по списку, раз генерал разрешил.

Я должна обрадоваться. Я и радуюсь, вот прямо сейчас сижу и радуюсь, и внутри ничего не царапает.

И тут за окном раздаётся глухой размеренный стук. Отодвигаю штору. В окне шестого домика горит свет, из трубы уже тянется дым, а у поленницы, в одной футболке на морозе, эта махина колет дрова. В темноте, в девять вечера, с таким размахом, будто кого-то представляет на месте каждого полена.

Смотрю на него, и мне не нравится, что я чувствую. Но мысленно пытаюсь убедить себя, что смотрю исключительно чтобы убедиться, что он не испортит топор.

И тут он замирает, а потом резко поворачивается в мою сторону. Будто знает куда смотреть. Я задёргиваю штору и отшатываюсь от окна на шаг.

Вот же… ужас-ужасный!

Ничего, Ужасов. Осталось пятьдесят один день, и крыша

бани у нас по-прежнему скользкая.

Глава 5

Добрыня

Просыпаюсь в пять тридцать, без будильника, как и последние одиннадцать лет. И первые несколько секунд пытаюсь понять, почему у меня так замёрзли ноги. А потом вспоминаю, что кровать здесь короткая, а я несколько длиннее, и всё, что ниже щиколоток, ночевало на свежем воздухе.

Печка за ночь остыла, изо рта идёт пар, за окном темень, и где-то под полом шуршит та самая воспитанная мышь. Красота. Я, между прочим, не шутил вчера про люкс, потому что здесь хотя бы не пахнет носками Баранова.

Но лежать я не умею, так что через пять минут уже стою на крыльце в одних штанах и кроссовках. Термометр на стене показывает минус два, трава хрустит от инея, а воздух такой, что его можно резать ножом и намазывать на хлеб. В городе такого нет. В городе воздух пахнет выхлопом и чужими проблемами.

Так что я довольный и счастливый, пробегаю пять километров по дороге к склону и обратно. Потом нахожу балку на беседке, проверяю её на прочность и подтягиваюсь, пока плечи не начинают гореть. Отжимаюсь на гравии, а после этого иду к ручью и умываюсь по пояс водой, от которой у нормального человека остановилось бы сердце. У меня оно не останавливается, потому что, по мнению моей группы, у

меня его нет.

И вот когда я выпрямляюсь и стряхиваю воду с головы, загривок подаёт сигнал. Тот самый, который не раз спасал мне жизнь. За мной наблюдают.

Не оборачиваюсь. Просто чуть поворачиваю голову, будто разминаю шею, и ловлю периферией хозяйский дом. Второе окно слева, штора в мелкий цветочек. И эта штора только что дёрнулась так, будто её застукали на месте преступления.

Усмехаюсь и потягиваюсь. Медленно, с удовольствием, во весь размах. Смотри, Ульяна Андреевна, мне не жалко. За просмотр денег не беру.

Ну а теперь к делу. Возвращаюсь в домик, растапливаю печку, натягиваю футболку и разворачиваю на столе три листа, исписанных аккуратным, злым почерком. Сорок два пункта. Она писала их с «любовью», и это чувствуется в каждой букве.

Только вот зараза не учла одного. Она думала, что выдаёт мне каторгу. А выдала боевую задачу, с чётким перечнем целей. И это единственная понятная вещь, которая случилась со мной за последние трое суток.

Беру карандаш и за десять минут разбиваю её список по секторам. Сектор «дрова» — это пункты первый, второй и девятый. Сектор «крыши и водостоки» — четвёртый, пятый и шестой. Сектор «земляные работы» оставляю на потом, потому что копать огород в ноябре может придумать только женщина, которая очень хочет, чтобы я уехал. Ну и отдельно

обвожу пункты семнадцатый и двадцать третий. Их я буду выполнять с особым цинизмом.

К восьми утра, когда над горой наконец появляется солнце, под навесом стоит поленница, на которую я сам смотрю с уважением. Крупные поленья лежат слева, средние — по центру, мелкие — справа, а щепа на растопку сложена в отдельный ящик. Торцы выровнены так, что можно проверять уровнем. Те чурбаки, которые валялись за моим домиком, тоже переколоты, кроме четырёх самых ровных. Их я откладываю в сторону, потому что хороший чурбак в хозяйстве всегда пригодится.

Водостоки на трёх домиках уже вычищены, и я как раз слезаю с лестницы у четвёртого, когда на крыльце хозяйского дома появляется она.

И я на секунду забываю, на какой ступеньке стою.

Потому что вчера она была в куртке, застёгнутой под горло. А сейчас на ней толстый белый свитер, который сползает с одного плеча, коса перекинута вперёд, в руках дымится кружка, и вся она сонная, тёплая и какая-то домашняя. Ровно до того момента, пока не открывает рот.

Прекрасная
ЗАРАЗА
для ужасного
МАЙОРА

— Ужасов, ты нормальный? — интересуется она, оглядывая двор, и голос у неё с утра ниже и мягче, но яда в нём не убавилось. — Половина шестого утра было, когда ты тут топать начал. У нас в горах в это время даже петухи ещё совесть имеют.

— А ты откуда знаешь, во сколько я начал? — спрашиваю, спрыгивая на гравий и вытирая руки о штаны. — Тебе же из-за шторы плохо видно.

Она давится кофе. А уши розовеют так быстро, что я остаюсь доволен собой. Пускай это будет моя компенсация за потраченные нервы.

— Я проверяла, не воруешь ли ты дрова, — цедит она, справившись с дыханием.

— Сорок минут проверяла, — киваю я сочувственно. — Тяжёлая у тебя служба, Ульяна Андреевна. Но раз уж ты здесь, принимай работу.

Достаю из заднего кармана её листы и докладываю, как на разводе:

— Пункт первый, поленница по размеру — выполнен. Пункт второй, колка — выполнен. Пункт девятый, щепа — выполнен. Пункт четвёртый, водостоки — выполнен на шестьдесят процентов, к обеду закрою полностью. Пункт двадцать три выполняется непрерывно, можешь спросить у любой двери. Распишешься в приёмке?

Она спускается с крыльца, и я вижу, как сильно ей хочется

найти, к чему придраться. Идёт вдоль поленницы, как проверяющий из округа, заглядывает в торцы, трогает пальцем ящик со щепой. Даже приседает, чтобы проверить нижний ряд. А я стою за её спиной, смотрю на косу, которая почти касается земли, и думаю совсем не о дровах. И это мне не нравится. Мне вообще не нравится, когда голова начинает работать без приказа.

— Криво, — наконец выносит она вердикт и тычет пальцем в одно-единственное полено в третьем ряду, которое выступает на сантиметр.

Подхожу и молча задвигаю его ладонью. Она поднимает на меня свои глазищи, и я с удовольствием наблюдаю, как в них закипает бессилие.

— А это что такое? — вдруг щурится она, выхватывая у меня листы.

А это, зараза моя прекрасная, я сам дописал в конце списка, печатными буквами, чтобы тебе было понятнее.

И сам же замираю на мгновение от собственной формулировки. Это что такое? Когда это она стала моя? Мне такого счастья не нужно!

— Пункт сорок три, — читает она вслух, и голос у неё начинает звенеть. — Научить Ульяну Андреевну не подглядывать из-за шторы, а выходить и смотреть честно. Ужасов, ты совсем берега попутал?

— Я инициативный, — объясняю я спокойно. — Вижу проблему в хозяйстве и сразу устраняю.

— Ой, Добрынюшка! Господи, красота-то какая! — раздаётся с крыльца, и Нина Павловна всплёскивает руками, глядя на поленницу так, будто я ей там собор построил. — Уля, ты посмотри, как ровненько! А я смотрю, дочь у окна с шести утра стоит и не дышит, думаю, что там такое показывают!

— Мама! — рычит зараза, и теперь у неё горят не только уши.

— А что мама? Мама сырников нажарила, — невозмутимо отвечает Нина Павловна и подмигивает мне. — Идите завтракать, оба.

Я честно стараюсь не ржать, но получается плохо. А Ульяна Андреевна медленно выдыхает, складывает мои листы и возвращает их мне. И улыбается так ласково и светло, что у меня загривок встаёт дыбом во второй раз за утро.

— Знаешь, Ужасов, ты и правда молодец, — произносит она почти нежно. — Заслужил. Я тебе завтра утром сама кофе принесу, прямо в домик.

И уходит в дом, покачивая косой.

А я смотрю ей вслед и понимаю, что так улыбался Громов, когда отправлял меня в отпуск. Кофе, значит. Ну-ну, Ульяна Андреевна. Я из чужих рук даже в учебке ел с осторожностью.

Глава 6

Ульяна

Соль я выбирала вдумчиво. Мелкая растворяется быстрее, но крупная морская честнее, поэтому в турку отправились три ложки с горкой. Сверху я положила ещё половинку, от души, за пункт сорок три.

Потому что я не подглядывала. Я контролировала территорию. И если кто-то в минус два решил скакать у ручья без футболки, сверкая спиной размером с нашу калитку, то это его проблемы, а не мои. Я, может, вообще на горы смотрела. Сорок минут. Имею право, это мои горы.

— Доброе утро, Ужасов, — пою я с порога шестого домика и протягиваю ему кружку с самой невинной из своих улыбок. — Как обещала.

Он стоит в дверях, заслоняя собой весь проём, уже одетый, бодрый и подозрительно спокойный. Берёт кружку, и его пальцы на секунду накрывают мои. Горячие, шершавые, и я отдёргиваю руку быстрее, чем следовало бы.

— Сама варила? — уточняет он, глядя на меня поверх кружки своими льдистыми глазами.

— Сама, — киваю я. — С душой.

И он пьёт. Не морщась и не останавливаясь, глоток за глотком, не отрывая от меня взгляда. А я смотрю, как двигается его кадык, и чувствую, что улыбка медленно сползает

с моего лица. Там же рассол! Там Мёртвое море, а не кофе, от него лошадь бы легла.

Он допивает до дна, возвращает мне пустую кружку и вытирает губы большим пальцем.

— Спасибо, Ульяна Андреевна, — произносит он ровно. — Крепкий. Только в следующий раз сахара положи, а то вкус какой-то пресноватый.

И закрывает дверь. Аккуратно и нежно, скотина.

Я стою на крыльце с пустой кружкой и чувствую себя так, будто стреляла в упор, а пуля отскочила и попала мне же в лоб. Ну ничего. Не хочешь по-хорошему, будет… по-холодному.

Электрический щиток у нас в хозяйском доме, в коридоре, и автоматы там подписаны маминой рукой. Нахожу «Д. шесть, бойлер» и щёлкаю вниз. Тридцать литров ледяной воды из горной скважины вечером, после целого дня на крышах, это вам не кофе. Тут характером не отделаешься, тут организм сам заорёт.

Весь день я хожу в прекрасном настроении. А он, как назло, вкалывает так, что у меня заканчиваются поводы для претензий. К обеду дочищены все водостоки, к трём часам смазаны петли на калитке, которые скрипели с весны, а к вечеру он находит меня в беседке и опять суёт под нос эти проклятые листы.

— Пункты четвёртый, пятый, одиннадцатый и четырнадцатый закрыты, — докладывает он, нависая надо мной, и от

него пахнет морозом и свежей стружкой. — Итого девять из сорока двух за два дня. Ты уже пишешь второй список или мне самому придумывать, чем заняться?

— Пишу, — огрызаюсь я. — Иди мойся, передовик. От тебя лесом несёт.

Он уходит, а я устраиваюсь у окна. И не подглядываю я, а слушать буду, как будет орать майор спецназа.

Проходит десять минут. За ними ещё двадцать. А потом дверь шестого домика открывается, и он выходит на крыльцо с полотенцем на шее, распаренный, довольный и возмутительно живой. Находит взглядом моё окно, и я не успеваю отшатнуться.

— Водичка — огонь, Ульяна Андреевна! — сообщает он на весь двор. — Бодрит! Я в учебке полгода так мылся, прямо молодость вспомнил!

— Уля, — раздаётся за моей спиной, и я закрываю глаза, потому что этот тон знаю с детского сада. — А почему у меня в щитке шестой бойлер выключен?

— Пробки выбило? — предполагаю я слабым голосом.

— Пробки, — повторяет мама, уперев руки в бока. — Именно на шестом, и именно сегодня. Ульяна, мальчик работает как вол, он мне за два дня сделал больше, чем те четверо за три года! А ты его морозишь, как минтая!

— Мам, он не мальчик, он танк, и ему нормально! — огрызаюсь я.

Но мама уже щёлкает автоматом, достаёт из шкафа бан-

ку малинового варенья и идёт через двор извиняться. А я смотрю, как этот танк принимает банку, прижимает ладонь к груди и что-то говорит, от чего моя мама смеётся и машет на него рукой. Предательница. Родная мать, и та перешла на сторону противника за одну поленницу.

Засыпаю я злая, с твёрдым намерением придумать утром что-нибудь по-настоящему страшное. А просыпаюсь от того, что мама хохочет на кухне в телефон.

— Ой, Петя, не могу! Ты бы видел! Нет, оба живые, — слышу я сквозь дверь, а когда выхожу, она быстро прячет трубку в карман фартука и делает серьёзное лицо. — Это тётя Люба звонила.

— Ага, — киваю я сонно, делая вид, что поверила, и иду к плите, чтобы сварить себе любимый кофе.

— Улечка, ты только не кричи, — неожиданно говорит мама слишком заискивающим голосом а я замираю, так и не открыв ящик и медленно поворачиваюсь. — И не ругайся. Помни, что ты девочка.

— Мама? — вопросительно тяну я, чувствуя, как предательские мурашки бегут по спине.

— Ты в окно выгляни, — и мама для убедительности ещё и пальцем указывает в нужную сторону.

Я выглядываю. И всё внутри у меня обрывается и с лязгом падает туда же, куда и на вокзале.

Прекрасная
ЗАРАЗА
для ужасного
МАЙОРА

Моя «Нива» стоит на своём месте, у крыльца. Только стоит она не на колёсах, а на четырёх одинаковых, идеально ровных чурбаках. А колёса сложены рядом аккуратной стопкой, одно на другом, и сверху, как вишенка на торте, стоит литровая банка с болтами.

Я вылетаю во двор в пижаме и маминых галошах. Обхожу свою девочку по кругу и ищу хоть одну царапину, хоть один повод для убийства с отягчающими. Но царапин нет. Под домкратные места подложены тряпочки, чурбаки подобраны по высоте так, что машина стоит ровнее, чем на колёсах, а болты в банке лежат в масле. Он даже зеркала протёр, гад.

Под дворником белеет сложенный листок. Разворачиваю и узнаю эти наглые печатные буквы.

«Отчёт.

Пункт первый: чурбаки одного размера, четыре шт., отсортированы и применены по назначению.

Пункт двадцать третий: все двери закрыты нежно, проверено дважды.

Пункт сорок третий: в процессе, сегодня ты вышла сама.

Примечание: кофе был пересолен, бойлер починила тётя Нина. Колёса верну на место за одну кружку нормального кофе. Отчество можешь не добавлять.

Д. У.»

Перечитываю дважды. И с остервенением комкаю листок,

но почти сразу расправляю и зачем-то сую в карман пижамы.

Он это сделал ночью. Один, в темноте, без единого звука, а у меня, между прочим, сон чуткий. Снял четыре колеса, ничего не уронил и не поцарапал, и теперь наверняка стоит у себя за шторой и наслаждается.

Поднимаю голову. Он даже не прячется, а сидит на крыльце шестого домика, вытянув свои бесконечные ноги, и смотрит на меня. На пижаму с ёжиками, на галоши, на растрёпанную косу. И улыбается медленно и довольно, как человек, который честно выполнил боевую задачу.

И самое обидное то, что мне почти смешно. Где-то очень глубоко, под злостью, сидит маленькая подлая мысль, что это было красиво. Что четверо до него ныли, жаловались дяде и сбегали, а этот выпил рассол до дна, вымылся в ледяной воде и разул мою машину так бережно, как я сама бы не смогла.

Мысль эту я давлю галошей и возвращаюсь в дом. Мама стоит у плиты и трясётся от беззвучного смеха.

— Ни слова, — предупреждаю я тыча в её сторону пальцем, и достаю турку.

— Я молчу, доченька, — всхлипывает она, но я вижу, как её подмывает. — Сахар в левой банке. Не перепутай.

Зыркаю на маму, но всё же варю кофе. Нормальный, крепкий, с корицей, как варю только себе. И несу через весь двор, под его взглядом. И спину держу так ровно, что лопатки сводит.

— Это не капитуляция, Ужасов, — сообщаю я, сунув

кружку ему в руки. — Это обмен пленными. И дай сюда список.

Он протягивает листы, не скрывая интереса. Достаю из кармана карандаш и дописываю внизу, под его сорок третьим, крупно и с нажимом: «Пункт 44. Не трогать машину Ульяны Андреевны. Никогда. Ничем».

— Принято, — кивает он, отпивает кофе и на секунду прикрывает глаза. — А вот это уже вкусно. Можешь ведь, когда хочешь, зараза.

— Колёса, — напоминаю я ледяным тоном. — У тебя двадцать минут.

Он справляется за четырнадцать. Я засекала, и вовсе не потому, что мне было интересно.

Глава 7

Добрыня

— Добрынюшка, выручай, сынок, — Нина Павловна ловит меня у бани на через пару дней и суёт в руки листок, исписанный с двух сторон. — В пятницу гости заезжают, а у меня ни муки, ни сахара, ни газа в баллоне. Уля одна не дотащит.

Смотрю на листок и начинаю подозревать, что любовь к спискам у них семейная. Мешок муки, мешок сахара, два газовых баллона, ящик тушёнки и сорок килограммов картошки, которая, насколько я успел заметить, лежит у них в погребе в количестве, достаточном для осады.

— А сами вы не поедете? — уточняю осторожно, потому что загривок опять что-то чует.

— Ой, да куда мне, у меня тесто подходит, — отмахивается она, глядя на меня честнейшими глазами. — И спина. И давление. Вы уж вдвоём как-нибудь.

Женщина, которая вчера на моих глазах одна переставила лавку в предбаннике, жалуется на спину. Я киваю с серьёзным лицом. Диверсантов я уважаю, даже если они в фартуке.

А вот зараза уже сидит за рулём и барабанит пальцами по рулю с таким видом, будто её заставили везти в посёлок мешок с навозом. Подхожу к пассажирской двери и останавливаюсь, заложив руки за спину.

Оказывается, у меня появилось личное развлечение: доводить эту заразу. И она сама даёт мне отличные поводы на это.

— Ульяна Андреевна, разрешите обратиться, — произношу я через приоткрытое окно. — Согласно пункту сорок четыре, мне запрещено трогать твою машину. Никогда и ничем. Мне бежать следом или ты сама откроешь?

Она медленно поворачивает голову, и я вижу, как вишнёвые губы сжимаются в нитку, чтобы не дрогнуть в улыбке. Ну будем считать, что я поверил и не заметил.

— Садись, клоун, — выдыхает она и тянется через сиденье, чтобы толкнуть мне дверь. — Внутри можно. Но дышать через раз.

Сажусь. Закрываю дверь с первой попытки, с правильным щелчком, и ловлю её взгляд. Она ничего не говорит, зато довольно и горделиво кивает. Вот зараза, как есть. И действительно прекрасная.

По серпантину вниз она едет чуть спокойнее, чем в первый раз. То ли привыкла ко мне, то ли бережёт подвеску. А я ловлю себя на том, что за четыре дня ни разу не подумал про управление, и это открытие мне совсем не нравится. Потому что думал я всё это время про поленницу, про водостоки и про пижаму с ёжиками. Про пижаму особенно часто.

В кармане вибрирует телефон. Громов, лёгок на помине: «Как отдыхается, майор? Шапку надел?»

«Так точно. Сестра ваша в возрасте чувствует себя отлич-

но. Передаёт привет и жалуется на спину», — набираю я в ответ.

«Вот и помогай женщине. И племянницу не обижай», — прилетает через секунду, а следом ещё одно: «Хотя её обидишь».

Хмыкаю и убираю телефон. Знает ведь, старый чёрт, куда отправлял.

Посёлок оказывается одной улицей с магазином, почтой и памятником солдату. В магазине пахнет хлебом и стиральным порошком, а за прилавком стоит женщина, которая оглядывает меня от ботинок до макушки так, что я чувствую себя сфотографированным в трёх проекциях.

— Улька! — расплывается она. — А это чей такой?

— Ничей, тёть Зин, — отвечает зараза, выкладывая на прилавок мамин список. — Казённый. Дядя Петя прислал на отработку.

— Ишь ты, казённый, — тянет тётя Зина и подмигивает мне. — А кормят казённого хорошо?

— Пирогами, — отвечаю я честно. — И кофе с солью.

Зараза наступает мне на ногу. Тяжелым ботинком, от души. Я даже не морщусь, но для себя отмечаю, что к вечеру про кофе с солью будет знать весь посёлок, и это меня полностью устраивает.

Ульяна Андреевна рассчитывается и уходит на улицу. А я начинаю выносить мешки. Быстро переношу всё и как раз возвращаюсь за баллонами, когда вижу это.

У «Нивы» стоит полицейский «уазик», а возле моей заразы — мужик в форме. Старлей, лет тридцати, гладкий, улыбчивый, с ямочкой на подбородке, из тех, кто нравится мамам и продавщицам. Он что-то говорит ей, наклонившись ближе, чем требует служебная необходимость. И держит её за локоть.

И вот тут у меня внутри что-то делает то же самое, что её ёлочка на зеркале в день нашего знакомства. Сальто.

Потому что какого, собственно, хрена? Мне должно быть всё равно. Мне и есть всё равно, просто баллоны тяжёлые, поэтому я и сжал их так, что вентиль скрипнул. А рука эта, на её локте, бесит меня исключительно с профессиональной точки зрения. Не люблю, когда хватают без разрешения. И не моя она. Не моя, сказал!

— Улечка, ну сколько можно отказываться? — доносится до меня его бархатный голос. — В субботу в районе кино, потом посидим где-нибудь…

— Тём, я тебе уже который год отвечаю одно и то же, — вздыхает она устало, и локоть, между прочим, пытается забрать. — У меня гости, хозяйство и мама.

— И я, — добавляю, ставя баллоны на землю прямо у его начищенных ботинок. — Здравия желаю.

Старлей оборачивается, и взгляд его упирается мне в грудь. Мелковат будет. Но он поднимает голвоу выше и ещё выше. Рука с локтя исчезает сама собой, а улыбка становится служебной.

— Старший лейтенант Голубев, участковый уполномоченный, — представляется он, расправляя плечи, которых у него, откровенно говоря, не густо. — А вы, гражданин, кто будете? Документы предъявите.

— С удовольствием, — отвечаю я ласково, копируя тон генерала, и раскрываю перед ним удостоверение.

Он читает. Я с интересом наблюдаю, как лицо его проходит все стадии, от бдительности до тоски, и как правая рука сама дёргается к козырьку.

— Виноват, товарищ майор, — выдавливает он. — Не признал.

— Бывает, Голубев, — киваю я благодушно. — Ты локти граждан больше без протокола не трогай, и будем дружить.

Через полминуты «уазик» уже пылит в сторону почты. А ко мне разворачивается зараза, и глазищи у неё горят так, что можно прикуривать.

— Ты что сейчас сделал, Ужасов? — шипит она, упирая руки в бока.

— Поздоровался, — пожимаю плечами и закидываю баллон в багажник.

— Ты его запугал! Это мой участковый, я его три года воспитывала, чтобы он был безобидный!

— Так он и остался безобидный, — возражаю я спокойно. — Просто теперь издалека.

— А тебе-то какое дело до моего локтя? — прищуривается она, и вот этот вопрос попадает точнее, чем мне бы хо-

телось.

Потому что ответа у меня нет. Точнее, он есть, но он мне не нравится, и вслух я его не произнесу даже под пытками.

— Пункт семнадцатый, — нахожусь я, доставая из кармана её листы. — «Не раздражать Ульяну Андреевну». А он тебя раздражал. Я устранил помеху, работаю строго по списку.

Она открывает рот и закрывает. Отбирает у меня карандаш и молча, с нажимом, дописывает внизу: «Пункт 45. Не пугать участкового».

— Принято, — соглашаюсь я. — Буду пугать кого-нибудь другого.

Обратно мы едем молча. Она смотрит на дорогу и хмурится, а я смотрю на её локоть и думаю о том, что пятьдесят два дня — это, оказывается, очень много. И что врать самому себе меня в учебке не учили, а зря.

Глава 8

Ульяна

Буря приходит в четверг вечером, без предупреждения, как всё плохое в моей жизни. Сначала ветер срывает с беседки брезент, потом по крыше начинает лупить мокрый снег, а следом над горой грохочет так, будто там кто-то уронил шкаф. Гром в ноябре у нас бывает редко, и ничего хорошего он обычно не приносит.

Свет моргает дважды и гаснет.

— Ну вот, — произносит в темноте мама таким голосом, будто ждала этого весь день. — Линию опять оборвало. Уля, морозилки потекут, а там мяса на всех гостей. Генератор надо заводить.

— Заведу, — вздыхаю я, нашаривая на полке фонарь.

— Одна не ходи, там темно и скользко, — тут же добавляет она, и я слышу, как чиркает спичка. — Добрынюшку возьми. А я тут посижу со свечкой, тёте Любе позвоню, пока зарядка есть.

Тётя Люба, с которой мама за последнюю неделю говорила чаще, чем за весь прошлый год, меня уже настораживает. Но разбираться некогда, потому что в дверь коротко стучат, и я даже в темноте знаю, кто там стоит.

— Генератор где? — спрашивает Ужасов вместо приветствия, и с капюшона у него течёт вода.

— В сарае, — отвечаю я, застёгивая куртку. — Только ты к нему не лезь, он чужих не любит. К нему подход нужен.

— Как к твоей машине? — уточняет он, и я слышу в его голосе улыбку.

— Хуже. Его характер тебе не понравится, — фыркаю и выхожу первой.

— Тогда вы родственники, — заключает он и забирает у меня фонарь.

Сарай у нас маленький, а зимой становится ещё меньше, потому что я стаскиваю туда газонокосилку, лопаты, лыжи и мамины банки. Для генератора остаётся закуток в углу, где мне одной впритык. А теперь туда втискивается ещё и ЭТО, и воздух заканчивается сразу.

Он стоит у меня за спиной и светит через моё плечо. Ветер воет в щелях, по крыше грохочет снег, а я дёргаю шнур стартера и думаю только о том, что спиной чувствую его грудь. И главное, не касаюсь же. Просто чувствую, как чувствуют печку с закрытыми глазами.

Дёргаю раз. Потом второй. Генератор чихает, и на этом всё заканчивается.

— Дай я, — раздаётся над ухом.

— Не дам, — огрызаюсь я и дёргаю в третий раз. — Он меня знает. Сейчас подсос вытяну, и заведётся.

— Ты его уже залила, Ульяна Андреевна, — сообщает он таким терпеливым тоном, что я даже оглядываюсь: «Ты ли это, Ужасов?». — Чуешь, бензином несёт? Свечу надо вы-

крутить и просушить. И кран у тебя топливный закрыт, кстати.

Снова осматриваю генератора и действительно вижу, что кран закрыт, сволочь. Я же сама его перекрыла в сентябре и забыла.

— Это, между прочим, пункт тридцать первый, — продолжает он невозмутимо. — «Профилактика генератора». Я бы до него давно добрался, но ты поставила его после перекопки огорода.

— Ты что, наизусть его выучил? — поворачиваю голову и понимаю, что зря это сделала, потому что лицо его оказывается намного ближе, чем я рассчитывала.

— Я всё важное учу наизусть, — отвечает он негромко. — Подержи свет.

Он отдаёт мне фонарь и протискивается к генератору, а разойтись нам негде. Поэтому на долгую секунду я оказываюсь прижата к нему вся, от колен до подбородка, и успеваю узнать много лишнего. Например, что под мокрой курткой он горячий, как наша баня. И что сердце у него, вопреки моим убеждениям, есть и бьётся оно совсем не так спокойно, как он разговаривает.

Он садится на корточки и работает молча, быстро и точно. А я свечу ему на руки и злюсь, потому что руки эти мне нравятся. Большие, в ссадинах после тяжелой работы, но они обращаются с маленькой свечой так бережно, что мне на ум приходят четыре чурбака и тряпочки под домкратом. Четве-

ро до него не смогли бы найти в этом сарае даже выключатель.

— Свети ровнее, — просит он, не оборачиваясь. — У тебя рука дрожит.

— Это от холода, — отвечаю я слишком быстро.

— Я так и подумал, — соглашается он, и мне хочется стукнуть его фонарём.

Он вкручивает свечу на место, открывает кран и поднимается. Опять оказывается вплотную, только теперь лицом ко мне, и отступать мне некуда, потому что за спиной лыжи.

— Давай вместе, — говорит он и встав за спиной, кладёт мою ладонь на ручку стартера, а сверху накрывает своей. — Он же тебя знает. А я помогу.

Вот сейчас нужно быть, Уля. Дать ему хорошенько. Но вместо этот я дёргаем стартер. Генератор кашляет, плюётся и вдруг ревёт ровно и басовито, а под потолком вспыхивает лампочка. И лучше бы она не вспыхивала.

Потому что теперь я вижу всё. Капли на его ресницах, которые длиннее моих, и это просто преступление против природы. Сальный мазок на скуле. И глаза, которые я четыре дня называла льдистыми, а в них сейчас нет никакого льда. Там такая темень, что я забываю, что мне нужно делать сейчас: вдыхать или выдыхать. А он смотрит на мои губы, и взгляд у него при этом такой, что у меня подгибаются колени.

И руку мою он так и не отпустил.

— У тебя снег в косе, — произносит он хрипло и свобод-

ной рукой убирает что-то с моих волос, а пальцы задерживаются у моей щеки.

Вот сейчас я должна сказать гадость. У меня их целый склад, на любой случай, и я копила их всю жизнь. Но все они куда-то делись, и в голове стоит звон, а я, кажется, сама тянусь вверх, на цыпочки, как последняя идиотка.

Между нами остаётся сантиметр. Я чувствую его дыхание на своих губах, тёплое, с запахом кофе и чего-то настоящего, мужского.

И в этот момент во мне просыпается та самая Уля, которой только двадцать один год. Она стоит посреди университетского коридора и смотрит в чужой телефон, где в общем чате обсуждают, за сколько дней её уложили в кровать, как эта Уля стонала и ластилась. Тогда тоже были красивые глаза и бережные руки, и я тоже тянулась сама.

Отшатываюсь так, что лыжи за спиной с грохотом валятся на газонокосилку.

— Пункт семнадцатый, Ужасов, — выпаливаю я, и голос у меня срывается. — Ты его нарушаешь. Грубо.

— А по-моему, я тебя сейчас совсем не раздражал, — отвечает он медленно, и руку мою наконец выпускает.

Он не усмехается, и это хуже всего. Он смотрит серьёзно и внимательно, будто успел разглядеть на моём лице что-то такое, чего я никому не показываю. Между бровей складка становится глубже и меня это пугает.

Беги, Уля. Беги и не оборачивайся.

— Генератор работает, спасибо за службу, — бросаю я, суя ему фонарь, и вылетаю из сарая под снег.

До дома я бегу со всех ног, поскальзываясь несколько раз и хватая ртом ледяной ветер, но не оборачиваюсь. А когда захлопываю за собой дверь, понимаю две вещи. Что сбежала я первой, хотя всю жизнь убегали от меня. И что он за мной не пошёл, а мне от этого почему-то не легче, а обиднее.

— Заработало! — радуется мама, щурясь на люстру, а потом смотрит на меня, и брови её ползут вверх. — Улечка, а ты чего такая красная?

— Ветер, — отрезаю я, сдирая мокрую куртку.

— Ветер, — повторяет мама с пониманием и отворачивается к телефону. — Нет, Люба, это я не тебе. Хотя знаешь, Люба, похоже, ты была права.

Закатываю глаза и понимаю, что мама какую-то свою игру ведёт. Но я разберусь с этим потом, когда смогу нормально соображать. А пока…

Закрываюсь у себя, прижимаюсь лбом к холодному стеклу и смотрю, как в окне шестого домика загорается свет. Губы горят так, будто он меня всё-таки поцеловал.

И мысленно начинаю подсчёт. Осталось сорок семь дней его отпуска. И впервые за эту неделю я не уверена, кто из нас двоих не дотянет до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.